

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik

Has been issued since 1858.

ISSN: 2309-6322

E-ISSN: 2409-1707

Vol. 12, Is. 2, pp. 79-99, 2016

DOI: 10.13187/vs.2016.12.79

www.ejournal6.com

UDC 94(497.5)

**The Militärgrenze from the Battle of Solferino before the Beginning
of Demilitarization: Three Views out of Russia (F. F. Tornau, N.I. Krasnov,
B. Katalinich). Part I**

Artyom Y. Peretyatko

International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation
Laboratory of Military Research
PhD (History)
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Abstract

The article is analyzed the report of the Russian agent in Vienna F.F. Tornau about the situation in the Militärgrenze in 1864, and based on it the report of the officer of the General Staff N.I. Krasnov about the financial ineffectiveness of irregular troops. The author concludes that by 1864 the Austrian Government understood the need for reform of the Militärgrenze. A opposite view, common in Russian historiography, based on incomplete information and is not quite correct. The article also shows that N.I. Krasnov first pointed to the similarity of processes at the Militärgrenze, and in the Don Host Oblast in 1860.

Keywords: Grenz infantry, Cossacks, Military settlement, the Austrian Empire, F.F. Tornau, N.I. Krasnov.

Введение

Нельзя сказать, чтобы история Военной Границы была вовсе не раскрыта в отечественной историографии, однако интерес российских авторов к этой интереснейшей военно-социальной институции носил весьма своеобразный характер. Историки обычно обращались к прошлому граничар как к составной части более обширных сюжетов, обычно связанных с национальной историей южных славян. В частности, единственная монографическая статья о пограничных полках в советскую эпоху была написана В.И. Фрейдзоном, специалистом по истории Хорватии [1]. В постсоветский период намечился определенный интерес исследователей к сербской составляющей населения Военной Границы, и вообще связям граничар с Сербией. Небольшой раздел на эту тему содержит книга Ю.В. Костяшова «Сербы в Австрийской монархии в XVIII веке» [2], можно отметить и статьи указанного автора, посвященные аналогичной проблематике [3]. В 2009 г. М.В. Нигалатий защитил диссертацию «Перспективы сербско-русского военного сотрудничества в 60-е – нач. 70-х гг. XIX в.», в которой подробно рассматривалась история перехода части граничар-офицеров на службу в сербскую армию [4]. Наконец, некоторые эпизоды истории Военной Границы рассматривались в связи с созданием Новой Сербии в работах А.Н. Кирпичонка [5].

Из этого перечисления видно, что, несмотря на внимание к сербскому сюжету, единственной работой, специально посвященной Военной Границе как целостному институту, остается изданная в 1960 г. статья В.И. Фрейдзона. Историк продолжал исследование данной тематики и в дальнейшем, и его «История Хорватии» позволяет проследить за развитием пограничных полков от их создания до ликвидации [6]. Однако подход с точки зрения национальной истории Хорватии обуславливал интерес автора в первую очередь к политической и экономической составляющей, при минимальном внимании к составляющей военной.

Боле того, обратившись к фондам Российского государственного военно-исторического архива (далее – РГВИА), с которыми работал и В.И. Фрейдзон, мы убедились, что позиция российского историка часто не совпадает с изложенным в документах. В этом нет ничего удивительного, поскольку современники описывали ситуацию на Военной Границе настолько по-разному, что совместить их утверждения в одной обобщающей работе представляется невозможным. Диапазон представлений о граничарах колебался от верных и преданных слуг Австрийской империи (в материалах российской периодической печати [7-8]) до возможной пророссийской вооруженной силы в тылу Габсбургов (записки Б. Каталинича [9]).

Между тем сами мнения современников о Военной Границе, в том числе и противоречивые, и неподтвержденные, представляют существенный интерес. В фондах РГВИА отложились не абстрактные документы, а главным образом материалы разведки, к которым проявлял интерес лично Д.А. Милютин [10]. Даже содержащиеся в них ложные утверждения могли оказывать определенное влияние на русскую политику в отношении Австрии. При этом информация, содержащаяся в донесениях разного рода русских агентов зачастую почти не проверяема: в особенности это относится к слухам и конфиденциальным сообщениям австрийских политиков и генералов, которые могли быть сильно преувеличены или вовсе выдуманы авторами в личных целях.

Поэтому мы решили исследовать не только устройство Военной Границы накануне ее ликвидации, но и то, какой эта институция представлялась современникам из России. Какая проблематика в наибольшей степени интересовала отечественных военных, каким вопросам они уделяли основное внимание? Мы рассмотрим и военно-периодическую печать, и монографии российских офицеров о современных им европейских армиях, но наиболее интересными нам представляются работы трех ярких личностей, для которых обращение к граничарской тематике не было случайным. Речь идет о Ф.Ф. Торнау, известном русском военном писателе, Н.И. Краснове, авторе первого статистического исследования Земли Войска Донского, и Б. Каталиниче, бывшем офицере австрийской армии, перешедшем на русскую службу.

Материалы и методы

Большая часть материалов Ф.Ф. Торнау и Б. Каталинича о пограничных полках хранится в РГВИА, в фонде 428, посвященном Австро-Венгрии (а так же Австрийской империи и вообще владениям Габсбургов с XVII в. включительно). Нужно отметить, что период 1850-1870 гг. представлен там куда полнее, чем последующий и предыдущий. Однако большая часть дел представляет собой совокупность отчетов военных агентов за предшествующий год, и выявление среди них документов о пограничных полках требует кропотливой работы, особенно с учетом французского и немецкого языка некоторых текстов. На этом фоне выделяется труд Б. Каталинича, специально посвященный граничарам [11].

К сожалению, из-за специфической системы формирования дел, многие ценные источники по истории пограничных полков оказались в других фондах. Так, возможно, наиболее общая записка Ф.Ф. Торнау о Военной Границе была обнаружена специалистом по истории казачества при изучении фонда Главного управления казачьих войск (ф. 330) [12]. Там же находится и исследование Н.И. Краснова, в котором уделено внимание сходству между казаками и граничарами [13]. Составленное Б. Каталиничем описание ситуации в южнославянских землях, в том числе и в интересующем нас регионе, хранится среди документов о Болгарии (ф. 430) [14]. Отметим, что последняя работа опубликована, в отличие от всех остальных [15].

При исследовании этого достаточно обширного пласта документов мы будем использовать историко-сравнительный и историко-биографический методы. Ф.Ф. Торнау и Н.И. Краснов к моменту написания своих трудов о граничарах были сложившимися людьми, авторами целого ряда книг и статей, в которых нашли отражение их симпатии и антипатии [16-17]. Важнейшие книги этих авторов привлекали внимание позднейших исследователей, в том числе и в связи с вопросами о степени достоверности содержащейся в них информации [18]. Используя эти источники, мы уделим существенное внимание анализу личностей Ф.Ф. Торнау и Н.И. Краснова, чтобы понять, как именно их субъективное восприятие сказывалось на создаваемой в их работах картине Военной Границы.

Сложнее обстоит дело с Б. Каталиничем, наследие которого, судя по всему, ограничивается указанными выше материалами о южных славянах в 1860 гг. и несколькими письмами. М.В. Нигалатий попытался охарактеризовать личность бывшего австрийского офицера на основании этих источников, а так же послужных списков, однако его работу, ценную в фактографическом отношении, трудно назвать убедительной [19]. Между тем в трудах Б. Каталинича, на наш взгляд, информация о Военной Границе подвергалась искажениям, более значительным, чем в работах других авторов. Чтобы объяснить эти искажения, мы так же попытаемся применить биографический подход, однако из-за недостатка сведений, объясняющих отдельные события весьма бурной биографии граничара, мы будем вынуждены в некоторых местах делать предположения, носящие историко-реконструктивный характер.

Так же мы будем широко применять историко-системный метод, поскольку и Ф.Ф. Торнау, и Н.И. Краснов и Б. Каталинич рассматривали Военную Границу не изолированно, а как часть чего-то большего. При этом каждый из авторов по-своему расставлял акценты. Ф.Ф. Торнау граничары интересовали как важная часть австрийской армии, и, следовательно, одна из составляющих габсбургской империи в целом. Для Н.И. Краснова пограничные полки были одним из поселенных войск, своеобразным австрийским аналогом российского казачества. Наконец, Б. Каталинич считал Военную Границу потенциальной ударной силой панславянского движения. Чтобы понять обоснованность этих мнений, мы будем использовать литературу о прошлом югославянских народов под властью Вены [20], о ситуации в Донском войске в 1860 гг. [21-24] и о взаимоотношениях российских властей с панславянскими активистами [25].

Публикации 1860 гг. в военной периодике, в той или иной степени затрагивающие пограничные полки, так же содержат интересную информацию. Правда, она далеко не всегда достоверна, и в некоторых случаях характеризует скорее представление русских офицеров об экзотической для них Военной Границе, чем реальное положение дел на ней. Важное исключение составляют обзоры ежегодных военных бюджетов Австрийской империи, в которых особой строкой проходят расходы на граничар [26]. Изучение этих материалов позволяет уточнить немаловажный вопрос о финансовой составляющей существования пограничных полков.

Остается констатировать, что российские источники о Военной Границе накануне ее ликвидации достаточно многочисленны и разнообразны. Но они не складываются в единое целое, противоречат друг другу, а зачастую и позднейшим исследованиям, а иногда выглядят просто неправдоподобными. Мы попытаемся в конце своей работы на их основании охарактеризовать военное устройство пограничных полков в 1860 гг., тем более, что по этому вопросу работы авторов, живших в Австрии, содержат мало расхождений. Однако до этого имеет смысл проанализировать яркие и субъективные работы Ф.Ф. Торнау, Н.И. Краснова и Б. Каталинича со всеми их непроверяемыми и сомнительными утверждениями, тем более, что первые два автора оставили свой след в истории России. В конце концов, мы имеем дело со свидетельствами современников, и даже то, что кажется нам их личной оценкой, заслуживает вовлечения в научный оборот.

Обсуждение

В 1856 г. российским военным агентом (военным атташе) в Вене был назначен барон Федор Федорович Торнау. Участник Кавказской войны, исследовавший Кавказ под видом горца и два года проведенный в плену, в настоящее время он наиболее известен своими «Воспоминаниями кавказского офицера», недавно переизданными. Между тем связь его

с Австрией оказалась не менее прочна, чем прежде с Кавказом: он занимал должность в посольстве почти 20 лет, до 1873 г., а после отставки в 1875 г. поселился под полюбившейся ему Веной [27]. Оставил он и записки о своей деятельности в Австрийской империи, к сожалению, охватывающие только первые пять лет службы [28].

Неординарный человек, генерал Ф.Ф. Торнау весьма своеобразно относился к своим обязанностям. Хотя последние заключались в добыче сведений о армии чужого государства, то есть в легальном шпионаже, он не был похож ни на шпиона, ни на дипломата. Последних он терпеть не мог, считая, что они уделяют слишком много внимания несущественным протокольным мелочам [29]. Получив в Санкт-Петербурге подробные инструкции для военных агентов, Ф.Ф. Торнау немедленно «забыл» о них по прибытию в Вену, считая, что «в чужой монастырь со своим уставом не ходят». Он не скрывал, что значительнейшую часть информации черпает из открытых источников, в частности из свободно продающихся уставов и книг об организации австрийской армии. Вообще русский военный агент верил в существование товарищества между военными разных стран, и полагал, что нужно исполнять свои обязанности честно и уважать австрийских коллег, даже если из-за этого страдают интересы России [30]. И действительно, в отчетах Ф.Ф. Торнау нам не встречалось никакой информации, которая носила бы явно секретный характер, зато он исправно посылал в Военное Министерство оказывавшиеся весьма ценными новые образцы вооружения и уставы австрийской армии [31].

К началу венского этапа своей биографии русский военный агент был опытным разведчиком, с самой лучшей стороны проявившим себя на Кавказе. По мнению авторитетного абхазского ученого Г.А. Дзидзарии, Ф.Ф. Торнау помогал в сборе сведений «тонкая наблюдательность» и «большая эрудиция» [32]. Но даже обладающий этими качествами человек в чужой стране не был застрахован от ошибок. Иногда они носили откровенно анекдотический характер: например, в целом объективно описывая положение рабов в Абхазии, будущий генерал называл их «агыруа» (термин, означающий малочисленную категорию крепостных крестьян), в то время как «настоящие» рабы назывались «ахашвала». Сюжет о том, как соотносилось реальное положение дел в Абхазии и его отражение в текстах Ф.Ф. Торнау был подробно исследован Н.А. Трапшем. Современный историк показал, что в целом записки разведчика отражали положение дел в регионе, однако в некоторых местах стремление автора к объективности вступало в противоречие с «официальными представлениями, оказывавшими серьезное влияние на индивидуальное мировоззрение армейского офицера», что приводило к противоречиям и в тексте. В других местах Ф.Ф. Торнау преувеличивал значение реальных, но второстепенных факторов, например, связывая некоторые моменты антиросийских движений с исламом и деятельностью турецких агентов, с чем современная наука не согласна [33]. Эти особенности трудов генерала следует учитывать и при работе с той частью его наследия, которая посвящена Австрийской империи.

К сожалению, в своих воспоминаниях Ф.Ф. Торнау мало затрагивал специальные военные вопросы, считая, что детали организации реформированных с тех пор австрийских вооруженных сил не представляют какого-либо интереса [34]. Но на некоторых местах из мемуаров русского военного агента имеет смысл остановиться подробнее, прежде чем перейти к анализу его отчетов о Военной Границе, поскольку в них содержатся различные оценочные суждения, касающиеся граничар.

За годы пребывания в Вене у Ф.Ф. Торнау сложилось свое, весьма неортодоксальное мнение по поводу австрийской внутренней политики. Он идеализировал период до революции 1848 г., полагая, что тогда народы империи пользовались относительным равноправием, и конфликтов между ними почти не было. Вину за обострение национального вопроса генерал возлагал исключительно на австрийское правительство, пытавшееся использовать его в своих целях [35]. Сами же народы, включая не только славян, но и венгров, российский военный агент рассматривал как жертв близорукой правительственной политики, сделавшей межнациональную рознь повседневностью [36]. Таким образом, он фактически игнорировал исторические противоречия между различными национальностями, считая их искусственно раздутыми Веной. Человек обостренного чувства чести, Ф.Ф. Торнау признавал, что с южными славянами обошлись «обидно двусмысленно»: несмотря на то, что во время революции они остались безусловно

преданными правительству, а Военная Граница выставила на защиту прежних порядков почти все способное держать оружие население, после завершения военных действий к ним применили те же унижительные полицейские меры и политику германизации, что и к Венгрии [37]. Именно этими факторами он объяснял недовольство южных славян, не упоминая о том, что одним из требований собравшейся в Загребе в 1848 г. великой народной скупщины было воссоединение всех южнославянских земель в составе Австрийской империи, и граничары рассчитывали, что в благодарность за их службу это требование будет выполнено [38]. Остается констатировать, что Ф.Ф. Торнау, с одной стороны, явно считал, что за свою преданность граничары достойны большей благодарности, чем проявило правительство, а, с другой, полагал, что их национальные интересы ограничиваются защитой сложившегося статус-кво.

Русский военный агент лично не видел сражения под Сольферино, однако много слышал о нем и вообще о австро-франко-итальянской войне 1859 г. от своих иностранных коллег. Австрийскую армию в целом он оценивал достаточно высоко, в некоторых отношениях даже выше победившей французской, однако указывал на существенную разницу в боеспособности полков, составленных из людей различных национальностей. Ниже всего он ставил именно граничар: Ф.Ф. Торнау со ссылкой на очевидцев утверждал, что «кroatские пограничные полки хорошо дрались за прикрытием, плохо в чистом поле», где неприятельский огонь легко вносил беспорядок в их ряды. Подобную относительно низкую боеспособность генерал не связывал с антиавстрийскими настроениями в частях. Напротив, он высоко отзывался о храбрости большинства австрийских солдат, независимо от национальности [39]. Судя по всему, Ф.Ф. Торнау видел причины падения боеспособности граничар в другом: в его отчетах организация Военной Границы предстает как нечто крайне архаичное и малоэффективное, нуждающееся в немедленной реформе [40].

Отдельного внимания заслуживает отношение Ф.Ф. Торнау к разного рода панславистским движениям. Честный и прямой человек, барон с уважением относился к Францу-Иосифу и был очарован его женой, императрицей Елизаветой [41]. Напротив, его отношения с русским послом в Вене, В.П. Балабиным, складывались крайне напряженно. Последний сотрудничал с различными антиимперски настроенными деятелями: Э. Кватерник, в 1871 г. пытавшийся поднять восстание на Военной Границе, называл русского посла «другом» в своем дневнике [42]. Ф.Ф. Торнау находил подобное поведение крайне некорректным, а действия венского двора, дошедшего до фактического бойкота русских дипломатов, рассматривал как оправданную и закономерную реакцию на неуместную активность В.П. Балабина [43]. Русский военный агент в Вене не разделял распространенного мнения о крайней внутренней нестабильности Австрийской империи и считал не только непорядочным, но и политически неверным поддерживать направленные против нее панславянские движения. Ф.Ф. Торнау писал: «Все народы главным образом живут привычкой, и австрийские народности, какого бы племени ни были, привыкли знать над собой дом Габсбургов, и не на шутку задумаются подчинить себя другой, незнакомой им власти – хуже может выйти» [44].

Итак, в период непосредственно перед ликвидацией Военной Границы пост российского военного агента в Вене занимал человек исключительной личной честности, неприязненно относящийся ко многим аспектам австрийской политики, сочувствующий угнетаемым народам, но при этом чуждый панславистским движениям. Ф.Ф. Торнау понимал, что Военная Граница заслуживает награды за события 1848 г., но достаточно скептически относился к ее современной боевой ценности. Наконец, в силу человеческой порядочности и симпатии лично к австрийской царствующей чете (но не к венскому правительству), российский генерал избегал собственно шпионской деятельности и черпал информацию в основном из открытых источников и доверительных разговоров с иностранными коллегами. В то же время он был опытным разведчиком, эрудированным и наблюдательным человеком. Более того, его эрудиция носила не общий, а специальный характер: барон основательно изучал литературу по интересующим его предметам [45]. Как мы увидим ниже, все эти факторы оказали существенное влияние на его отчеты.

Несмотря на специфический стиль работы, деятельность Ф.Ф. Торнау на посту военного агента в Вене была достаточно успешной и плодотворной, о чем свидетельствует уже срок его пребывания в данной должности. Наблюдательность и эрудиция сослужили

генералу добрую службу: донесения российского военного агента содержали информацию по самым различным аспектам организации австрийской армии, в том числе и пограничных полков [46]. На наш взгляд, деятельность Ф.Ф. Торнау в Вене заслуживает отдельного исследования, а его отчеты представляют собой интереснейший источник по истории австрийской армии. Но в рамках данной статьи наиболее важен небольшой документ 1864 г., специально посвященный Военной Границе [47].

Любопытна уже его преамбула. Ф.Ф. Торнау начал не с военной, а с экономической оценки института пограничных полков, отметив, что чрезвычайно плодородные земли в долинах Савы и Дуная лежали необработанными, и Австрийская империя получала ничтожную пользу от тех «источников благосостояния», что находились во владениях граничар. Развивая данную мысль, российский военный агент утверждал, что к 1864 г. Вена считала необходимой реформу Военной Границы не только по политическим и национальным соображениям, но и, прежде всего, в силу экономического фактора [48].

В немногочисленных российских работах, затрагивающих процесс ликвидации Военной Границы, описывается совершенно иная позиция имперских властей. В частности, в книге В.И. Фрейдзона австрийское правительство выступает в качестве одной из основных сил, препятствовавших демилитаризации [49]. Статья А.М. Дронова, посвященная проектам переустройства организации граничар, касается исключительно предложений хорватских и сербских политических деятелей, но не австрийских военных чиновников [50]. Между тем, согласно отчету Ф.Ф. Торнау, австрийский генералитет уже к 1864 г. был уверен, что коренная реформа Военной Границы представляет собой только вопрос времени. Правда, оставалось нерешенным, будет ли заключаться эта реформа в полной демилитаризации пограничных полков, или имперские власти попытаются как-то модернизировать существующую систему, встраивая ее в конституционное государство и современную армию. Однако многие военные склонялись именно к первому варианту действий, предполагая, что в случае обращения граничар в гражданское положение доходы с их земель резко возрастут, что позволит на эти деньги содержать эквивалентное количество регулярных войск. Единственной причиной, по которой данная реформа не начала широко обсуждаться, Ф.Ф. Торнау называл сепаратистские настроения в Венгрии, естественным противовесом которым служило сохранение в неприкосновенности участвовавших в подавлении венгерской революции 1848-1849 гг. пограничных полков [51].

Насколько можно доверять отчету русского военного агента? Его успешная деятельность при весьма своеобразном стиле работы в значительной степени была связана с тем, что по существу проавстрийская позиция поставила Ф.Ф. Торнау в совершенно особое положение при венском дворе. Даже в 1862 г., когда охлаждение между двумя империями достигло максимума, генерал сохранял хорошие отношения с Францем-Иосифом, и имел больше возможностей общаться с ним, чем полномочный посол, В.П. Балабин [52]. С некоторыми представителями австрийского генералитета, в частности, с фельдмаршал-лейтенантом К. Морингом, русского военного агента связывала близкая дружба [53]. На наш взгляд, не стоит недооценивать значение подобных личных симпатий. Безусловно, Ф.Ф. Торнау мог сильно преувеличить желание австрийских властей приступить к немедленному реформированию Военной Границы, однако представляется крайне маловероятным, что это желание представляло собой только плод его фантазии. Более реалистичным кажется иной вариант: в тех высших кругах венского общества, где русский генерал приобрел обширные связи, действительно могла обсуждаться возможная демилитаризация граничар. Косвенными подтверждениями этого служат два факта.

Во-первых, Ф.Ф. Торнау не просто сообщил в Военное Министерство о желании австрийского правительства реформировать Военную Границу, но достаточно подробно расписал позиции как сторонников, так и противников сохранения военного по существу предназначения граничар. Последние так же признавали бедность региона и несообразность его политического устройства с современными требованиями. Поэтому необходимость коренной реформы, затрагивающей как военную организацию, так и систему гражданского управления краем, под сомнение не ставилась, однако желание полностью уничтожить «учреждение, возвращенное с чрезвычайнейшей заботливостью в течение полутора столетий» представлялось консерваторам несколько преждевременным [54].

В 1863 г. Военная Граница выставила 35 175 солдат на действительную службу, 16 618 солдат в запасные батальоны и около 21 000 солдат в общий резерв. Следовательно, в случае войны Вена располагала бы 72 793 граничарами, которые составили бы около 1/8 от общей численности австрийской армии. При распространении на Военную Границу обычных принципов комплектования численность выставляемых с нее частей упала бы в 4-5 раз [55]. Не менее важной была финансовая сторона дела: по официальным данным, все правительственные расходы на пограничные полки не превышали 4 696 000 гульденов. Между тем доходы с Военной Границы простирались до 4 918 400 гульденов, то есть граничарские части не только считались самокупаемыми, но и якобы доставляли правительству небольшую прибыль [56].

Однако противники даже частичного сохранения прежней системы организации переводили дискуссию в иную плоскость. В 1860 гг., по сведениям Ф.Ф. Торнау, в австрийском офицерском корпусе все шире распространялись сомнения в целесообразности сохранения граничар как военной силы. В.И. Фрейдзон связывал «нежелание кроатов драться за императора» с чисто политическими аспектами, с усталостью солдат пограничных полков от нищеты и разочарованием в результатах революции 1848 г. [57]. Подобное мнение, как мы покажем в следующей части статьи, имело сторонников и в граничарской среде [58]. Но только ли в этом было дело? Соответствовали ли части, выставляемые с Военной Границы, всем требованиям современной войны? Многие австрийские офицеры давали отрицательный ответ на этот вопрос. Они считали, что пограничные полки уступают линейным в строевом, дисциплинарном и боевом отношении, и следует заменить их хотя бы на меньшее число обыкновенной пехоты. Даже Ф.Ф. Торнау, сам не высоко оценивавший боеспособность граничар, полагал, что сторонники подобного мнения будто забывают 1848 г., когда «сербские и кроатские дружины» продемонстрировали свои лучшие качества [59].

Русский генерал приводил расчеты, из которых понятно, что в Вене к 1864 г. уже вчерне прорабатывалась финансовая сторона демилитаризации Военной Границы. В 1863 г. общая сумма налогов с ее территории составила только 3 168 400 гульденов. Таким образом, самокупаемость Военной Границы в глазах ее противников оказывалась сомнительной: она достигалась за счет скрытой прибавки к местному бюджету той части общегосударственного дохода, который собирался в регионе (около полутора миллионов различных сборов, прежде всего таможенных, за соль и с государственных рудников). Потенциальный налог с демилитаризованных земель оценивался в 12 000 000 гульденов, чего хватило бы для содержания 35 000 солдат линейной пехоты. Однако с учетом расходов на нормальную гражданскую местную администрацию более реальной представлялась цифра в 18 000 человек, которых удалось бы выставить вместо 72 793 граничар. Противники Военной Границы считали подобную замену не просто допустимой, но и даже выгодной для австрийской армии [60].

Ф.Ф. Торнау не брался прогнозировать, какая из точек зрения возобладает: будет ли Военная Граница демилитаризована, или ее попытаются реформировать, совмещая развитие экономики и конституционных политических институтов с сохранением особой воинской повинности граничар [61]. Возможно, именно поэтому в его отчете не содержится сколько-либо детального описания организации приграничных полков, которую в любом случае должно было ожидать скорое преобразование. Вместо этого русский военный агент сконцентрировался на описании настроений, царящих как в Вене, так и непосредственно среди граничар. Дальнейшее развитие событий подтвердило его правоту, и мы считаем это вторым косвенным доказательством правдивости отчета Ф.Ф. Торнау. Преобразование Военной Границы действительно началось почти сразу же после заключения австро-венгерского компромисса [62].

Намного ближе к работам отечественных авторов был взгляд Ф.Ф. Торнау на настроения граничар, хотя и в этом вопросе генерал достаточно оригинально расставлял акценты. Он отмечал, что недовольство в пограничных полках носит пока исключительно пассивный характер, и представляет собой только перспективную, хотя и весьма существенную опасность для Австрийской империи [63]. Первопричиной этого недовольства русский военный агент видел не столько национальные, сколько социально-политические факторы, в первую очередь желание избавиться от «военного ига» [64].

Вообще Ф.Ф. Торнау рассматривал Военную Границу как многонациональный регион, даже не исключительно славянский, выделяя в составе ее населения помимо хорватов и сербов достаточно многочисленных венгров и румын. Представители каждой из этих народностей тянулись к своим соплеменникам, как в пределах Австрийской Империи, так и за рубежом: если сербы хотели войти в состав независимой Сербии, то румыны проявляли симпатии к Объединенному княжеству Валахии и Молдавии [65]. Генерал признавал, что в последние годы национальный вопрос в Военной Границе обострился, но связывал это исключительно с недалновидной правительственной политикой германизации, и считал, что граничары могут присоединиться абсолютно к любой силе, которая пообещает демилитаризацию региона и отсутствие какого-либо национального угнетения. Ф.Ф. Торнау акцентировал внимание только на одном варианте развития событий: он полагал, что пограничные полки могут стать союзниками нового венгерского восстания, если лидеры последнего гарантируют защиту интересов граничар [66].

В отечественной историографии Венгрия зачастую рассматривается как основной политический антагонист южных славян в рамках сложного устройства Австрийской империи. В частности, В.И. Фрейдзон упоминает о том, что позже, в 1870 гг., именно венгерское правительство вопреки желанию граничар всячески затягивало их окончательную демилитаризацию и присоединение пограничных территорий к Хорватии, опасаясь роста значения последней [67]. Л.В. Березин в 1879 г. вообще считал полное упразднение Военной Границы крайне маловероятным из-за противодействия Будапешта любому усилению южнославянского элемента [68]. Да и сам Ф.Ф. Торнау в своем отчете писал, что венские власти видели в граничарах противовес Венгрии, и именно поэтому медлили с реформами [69]. Почему же русский военный агент в Вене рассматривал возможность столь причудливого политического альянса?

Мы не можем дать точного ответа на этот вопрос, однако позволим себе выдвинуть два предположения. Во-первых, сама возможность союза между граничарами всех национальностей и мадьярами делала неактуальной главную причину сохранения Военной Границы в прежнем виде, лишая ее статуса естественного противника венгерского сепаратизма. Во-вторых, подобное развитие событий было бы куда опаснее для Австрии, чем поддержка восстания граничар, допустим, Сербским княжеством. В случае успеха империя потеряла бы не только югославянские земли, но и всю Венгрию. Учитывая, что основным источником информации для Ф.Ф. Торнау служили открытые материалы и разговоры с австрийскими офицерами, вполне возможно, что в Вене ходили какие-то слухи на счет возможности подобного катастрофического развития событий. Могло оно и служить аргументом для сторонников полной демилитаризации Военной Границы.

Благодаря отчету Ф.Ф. Торнау мы можем взглянуть на проблемы Военной Границы накануне ее ликвидации через призму восприятия австрийского генералитета, понять мотивировку действий венского правительства. К сожалению, русский военный агент нигде не называл конкретных фамилий, видимо, считая их не существенными, или, возможно, не желая выдавать своих конфиденциальных собеседников. Кроме того, в его тексте содержатся серьезные фактические ошибки, главным образом в тех разделах, которые касаются истории пограничных полков (в частности, он относит их создание только к середине XVIII в., хотя дальнейшие события излагает вполне достоверно) [70]. С учетом этих фактов вопрос о том, где в тексте доклада Ф.Ф. Торнау заканчивается отражение взглядов его высокопоставленных собеседников и начинается субъективная позиция автора, остается открытым. Напомним, однако, что, по оценке Н.А. Трапша, и в кавказских работах барона, в целом достаточно достоверных, есть грубые ошибки в малозначимых для автора деталях. Ф.Ф. Торнау отнюдь не был фантазером, напротив, он пытался оставаться максимально объективным даже там, где реальные события плохо соотносились с его личными убеждениями [71]. Учитывая общепризнанную наблюдательность генерала, к его отчету о Военной Границе следует отнестись со всем возможным вниманием. Даже с учетом того, что русский военный агент мог преувеличить значение некоторых настроений австрийского генералитета, сообщаемые им факты заставляют существенно скорректировать некоторые традиционные утверждения отечественной историографии. Трудно переоценить значение информации о том, что к 1864 г. грядущая реформа пограничных полков, как минимум, имела влиятельных сторонников при дворе и в офицерском корпусе, если даже не была, как

пишет Ф.Ф. Торнау, решенным делом. Важно и то, что к этому времени хотя бы вчерне были проработаны финансовые аспекты полной демилитаризации Военной Границы, и рассчитано, какое количество солдат линейной пехоты можно будет содержать на налоги с ее бывших территорий. В целом, изложенные в отчете факты показывают, что имперское правительство отнюдь не было безразлично к нищете граничар, и даже противники демилитаризации искали способ улучшить их материальное положение. Возможно, мы несколько преувеличиваем, но на наш взгляд, отечественные авторы, с опорой на славянских историков, рисуют совершенно иную картину, картину равнодушной эксплуатации граничар Венной [72].

В одной из своих предыдущих статей мы писали, что многие процессы в восточноевропейских иррегулярных войсках протекали параллельно [73]. И ситуация, сложившаяся на Военной Границе, во многих аспектах напоминала происходящее вокруг казачьих войск в соседней империи. Но если в Австрии не рисковали начать обсуждение грядущих реформ, то в России центральные власти не скрывали своих планов коренным образом перестроить всю систему организации казачества. Сам Александр II говорил о том, что желает, чтобы «военное назначение казачьих войск было сколько возможно согласованно с выгодами гражданского быта и хозяйственного благосостояния» [74]. Вторил ему и военный министр, Д.А. Милютин, поставивший целью обеспечить сочетание «исключительно воинского быта целого населения с общими условиями гражданственности и экономического развития» [75]. Близость подобных тезисов к желанию австрийских властей преодолеть «убыток относительно умножения народного богатства» на Военной Границе и уничтожить несообразность политического устройства этого региона конституционному строю [76] представляется нам очевидной. Однако планы императора и его военного министра еще даже не начали воплощаться в жизнь, а по станицам пошел глухой ропот.

Мы не будем сколько-либо подробно описывать дискуссию между «прогрессистами» и «казакоманами», детально разобранную в интереснейшем цикле статей А.А. Волвенко [77-79]. Отметим только, что она в некоторых отношениях была близка к спору сторонников и противников сохранения Военной Границы, который описывал Ф.Ф. Торнау. Необходимость реформы Донского войска, направленной на, как тогда выражались, «развитие гражданственности» (под этим подразумевали облегчение военной службы, частичную или полную демилитаризацию институтов местной власти и обеспечение экономического роста в регионе) была очевидна представителям обеих партий. Однако стоило ли пытаться модернизировать систему управления и привилегий казачества, или предпочтительнее было бы постепенно отказаться от нее, распространяя на Дон общероссийские нормы и правила?

«Казакоманы», «партизаны замкнутости», по выражению одного из влиятельнейших их противников, генерал-лейтенанта И.И. Краснова, считали необходимым сохранить закрытость казачьего сословия, неприкосновенность станичных и войсковых земель и, разумеется, особые, специфически казачьи институты власти. «Прогрессисты», напротив, призывали к максимальному сближению Земли Войска Донского и остальной Российской империи, к дозволению иногородним селиться в пределах войска ради обработки неиспользуемых участков. Дискуссия достигла такого градуса, что в 1863 г. была прекращена цензурным ведомством.

Однако было уже слишком поздно. Какая-то информация о предстоящих реформах достигла рядовых казаков, возможно, в искаженном или вовсе превратном виде. Позже Д.А. Милютин обвинит начальника войскового штаба А.М. Дондукова-Корсакова в распространении слухов о планируемом уничтожении казачества [80]. Посланный на Дон для надзора за рекрутским набором флигель-адъютант императора Н.В. Мезинцев подтвердил не спокойствие в станицах и поддержку противников радикальных реформ частью населения, прежде всего старообрядцами. Правда, он писал, что эта поддержка сочетается с личной преданностью престолу, но в Санкт-Петербурге какое-то время принимали во внимание даже возможность массового казачьего бунта. Во всяком случае, противники А.М. Дондукова-Корсакова обвиняли его именно в желании «взбунтовать население», а Д.А. Милютин жаловался, что в условиях Польского восстания неудобно будет посылать какие-то части для «усмирения казаков» [81].

На наш взгляд, и здесь можно провести некоторые параллели между «пассивной оппозицией» граничар и недовольством донского казачества, сочетающимся с верностью императору. Во всяком случае, пример Донского войска показывает, чем было чревато начало обсуждения реформ Военной Границы. Дальнейшее развитие событий полностью подтверждает эту мысль: несмотря на прежние жалобы граничар на нищету, после того, как пошел процесс упразднения Военной Границы, ситуация в регионе не успокоилась. Именно тогда Э. Кватерник попытался поднять восстание, воспользовавшись страхом солдат пограничных полков перед ожидающимся повышением налогов и слухами о грядущем присоединении не к Хорватии, а к Венгрии. Однако превратить пассивное сопротивление в активное ему не удалось, и бунт, поддержанный всего несколькими сотнями граничар, был легко подавлен [82]. Мы еще раз убеждаемся в том, что выжидательная австрийская политика по отношению к Военной Границе была обоснована: обсуждение предстоящих реформ в прессе и слухи о них могли дестабилизировать ситуацию в регионе, что было бы особенно опасно до австро-венгерского компромисса.

Но между граничарами и казаками существовала принципиальная разница: если для солдат пограничных полков была характерна крайняя бедность, почти нищета, то войсковое население Дона было богаче крестьян сопредельных губерний. В 1861 г. депутаты Военной Границы в хорватском саборе говорили о присоединении к Хорватии как о способе увеличить благосостояние региона [83]. Казакоманы, напротив, обращали внимание на тот факт, что донские станицы были куда зажиточнее «бедных русских селений», и указывали на опасность непродуманных реформ, которые, унифицируя устройство Земли Войска Донского с остальной империей, не только не вызвали бы роста благополучия, но и отбросили казачьи хозяйства на средний российский уровень бедности. Подобные мысли высказывал, в частности, Х.И. Попов [84]. Как показывает страх граничар перед повышением налогов в начале 1870 гг., даже они держались за свои немногочисленные привилегии в виде небольших налоговых послаблений. Тем более боялись потерять свои особые права донские казаки, не только освобожденные от всех налогов, но и свободно пользующиеся в обмен на службу плодороднейшими участками в условиях многоземелья (на начало 1860 гг. в большинстве станиц не было правильных разделов, и каждый хозяин запахивал столько земли, сколько хотел и мог [85]).

В этих условиях неопределенное «развитие гражданственности» пугало именно как красивое название для фактического ограничения казачьих привилегий. По свидетельству А.А. Карасева, в 1862 г. подобные слухи были распространены в Новочеркасске [86]. Полное упразднение этих привилегий, неизбежное в случае ликвидации казачества, выглядело еще более пугающим. Как мы писали выше, Д.А. Милютин считал, что информацию о возможности подобного развития событий распространял А.М. Дондуков-Корсаков, чтобы в личных целях дестабилизировать ситуацию на Дону. Однако и без него в печати достаточно часто появлялись утверждения о том, что казачье сословие как институт устарело, и его привилегии нужно ограничить. А.Д. Столыпин, атаман Уральского казачьего войска, еще в 1861 г. писал: «многие специалисты в военном деле» считают Донское войско «аномалией», поскольку оно расположено глубоко внутри Российской империи, хотя возникло как пограничное. Соответственно, по их логике «если обстоятельства, родившие казачество, миновали, казачество должно пасть» [87]. Н.И. Краснов, выступая за предоставление казакам возможности не служить, теряя при этом поземельное довольствие, утверждал, что «права и привилегии донского населения не приносят общей пользы» [88]. По сведениям Р.Г. Тикиджьяна, в 1860 гг. был впервые употреблен и термин «расказачивание» [89].

В подобных условиях имперское правительство решилось на принятие особых мер, призванных стабилизировать ситуацию на Дону. В 1863 г. Донскому Войску была пожалована Высочайшая грамота, гарантирующая все его привилегии [90]. Хотя поиск оптимальных форм реформирования казачества продолжался, после опубликования этого документа стало очевидно, что самые радикальные варианты преобразований, направленные на ликвидацию казачества как военного сословия, утратили актуальность. Нет ничего удивительного, что в этих условиях отчет Ф.Ф. Торнау был внимательно прочитан одним из донских прогрессистов, который после 1863 г. искал новые, еще более убедительные аргументы в пользу своих идей.

В 1865 г. капитану Генерального штаба Николаю Ивановичу Краснову было немногим более тридцати, однако он уже совершил свои главные военные подвиги и опубликовал главную книгу. Во время Крымской войны ему довелось участвовать в обороне Таганрога и отличиться при захвате пушек с поврежденной английской канонерки. Позже, в ходе Польского восстания, Н.И. Краснов не допустил бомбардировки одного из польских местечек, проявив, по мнению позднейшего биографа «храбрость и гуманность» (донской офицер с небольшим отрядом казаков рискнул провести дополнительную разведку, показавшую отсутствие противника) [91].

Однако с начала 1860 гг. карьера Н.И. Краснова начала развиваться по совершенно иному, не боевому пути. Успешных командиров на Дону было не мало, и более востребованными оказались его способности к научной и литературной деятельности. В 1859-1868 гг. Генеральным штабом была подготовлена целая серия книг, посвященных географии и статистике различных регионов Российской империи. Когда дело дошло до Земли Войска Донского, задание собрать и обработать всю необходимую информацию получил именно Н.И. Краснов.

Позже данную серию будут ругать за «слишком обширную программу», из-за сложности которой удалось подготовить книги только по двум казачьим войскам [92]. Действительно, Н.И. Краснову приходилось быть историком и ботаником, статистиком и экономистом в одном лице. Он был вынужден даже лично заниматься метеорологическими наблюдениями [93]. Учитывая его образование (в 1858 г. будущий статистик окончил академию Генерального штаба [94]), стоит удивляться не отдельным ошибкам и неточностям, допущенным в работе, но тому, что Н.И. Краснов в одиночку сумел все-таки составить первое подробное статистическое описание Земли Войска Донского, значение которого трудно переоценить [95].

Возможно, в этом ему помогли некоторые особенности характера. Н.И. Краснов отнюдь не был сухим статистиком: наоборот, его статьи и книги рисуют образ человека увлекающегося, причем порой весьма экстравагантными идеями. В 1880 гг. уже пятидесятилетний начальник межевого и статистического отдела Главного Управления Казачьих Войск будет агитировать за создание казачьего флота, считая возможным так решить проблемы неисправного выхода на службу: не способные по финансовым соображениям купить лошадь казаки низовых станиц могли бы быть матросами, благо среди них было много хороших рыбаков [96]. После выхода в отставку донской статистик вообще увлекся философией, пытаясь создать собственную систему морали, соединяющую элементы древнегреческих философских учений и христианства [97].

В интересующий нас период Н.И. Краснов увлекался дискуссией прогрессистов и казакоманов, причем его симпатии были исключительно на стороне первых. Неудивительно, учитывая тот факт, что его отцом являлся генерал-лейтенант И.И. Краснов, тот самый, который характеризовал казакоманов как «партизан замкнутости». Даже статистическое обозрение Земли Войска Донского, подготовленное Н.И. Красновым, в некоторых местах больше походило на памфлет против его идейных противников. Донской статистик не просто описывал экономику своего края, но утверждал, что из-за специфически военной организации «донские жители не пользуются теми дарами, которыми природа наделила их с такой щедростью» [98]. Обратим внимание на важное смысловое совпадение этих строк с тем местом отчета Ф.Ф. Торнау, где говорилось: «источники благосостояния, вмещаемые этой богатой стороною (Военной Границей – А.П.), приносят самую ничтожную пользу» [99]. Далее Н.И. Краснов указывал, что может написать целые тома в защиту необходимости радикальной реформы системы казачьей службы, в то время как несогласные с подобными идеями опираются только на «желание всех коммунистов» обеспечить равное распределение богатств между гражданами региона [100]. Подобные нападки представляли собой прямой политический донос, но мало соответствовали реальности. У казакоманов был целый ряд аргументов в защиту сохранения преимущественно военной организации казачества, к числу которых относилось и то, что донские полки несут службу «ничего не требуя от казны» [101].

Возможность вступить в дискуссию по поводу данного утверждения представилась Н.И. Краснову довольно скоро. Умения, проявленные им при поиске информации для своей книги, не остались незамеченными. После краткого участия в подавлении Польского

восстания он был назначен офицером для особых поручений при начальнике управления иррегулярных войск, где вскоре получил задание подготовить доклад о сравнительном соотношении расходов на казацкие и регулярные части, исходя из данных по Оренбургскому войску. Обратим внимание, что речь шла именно о расходах (в тексте, дословно, «тратах» [102]), то есть, видимо, предполагалось, что Н.И. Краснов подсчитает, во сколько обходится правительству содержание соответствующих подразделений в условиях конкретного географического региона. Однако донской офицер весьма творчески отнесся к своему поручению.

Н.И. Краснов подготовил достаточно обширный текст, по его собственному признанию призванный «выяснить общий вопрос относительной стоимости государству содержания регулярных и иррегулярных войск» [103]. Поскольку при подобной постановке темы его работа приобретала общий характер, в ней содержались обращения не только к оренбургскому, но и к донскому казачеству, и даже к австрийским граничарам. Отчет Ф.Ф. Торнау Н.И. Краснов не только цитировал, но и полностью привел в качестве приложения к своему докладу [104]. Впрочем, докладу ли? Судя по эмоциональному языку, разбивке на главы и специальному заглавию, которое казачий автор дал своей работе («Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» [105]), мы вправе говорить о своеобразном черновике для так и не написанной книги.

Выше мы обращали внимание на полное смысловое совпадение строк из отчета Ф.Ф. Торнау и из капитального труда Н.И. Краснова, в соответствии с которыми природные богатства как Военной Границы, так и Земли Войска Донского использовались крайне неэффективно. Изучив дополнительно ситуацию в Оренбургском казачьем войске, Н.И. Краснов пришел к выводу, что подобное положение дел представляет собой неизбежное следствие военно-поселенной организации. Чем выше становился уровень развития промышленности и сельского хозяйства в стране, тем сильнее возрастал потенциальный налог с территорий иррегулярных войск и меньше оказывалась выгода от их частичного самообеспечения. В качестве примера подобных процессов донской статистик приводил именно Австрийскую империю [106].

Австрийские граничары стали для Н.И. Краснова образцовым доказательством невыгодности военных поселенцев во второй половине XIX в. Он отмечал, что в отличие от донского казачества, освобожденного от податей, солдаты пограничных полков в значительной степени содержали сами себя. Если даже в этом случае в экономическом и финансовом отношении их организация оказывалась неэффективной, то насколько дорого должны были обходиться Российской империи якобы «ничего не требующие от казны» казацкие войска [107].

Но почему так происходило? Для ответа на этот вопрос Н.И. Краснов обратился к опыту Оренбургского казачьего войска, поскольку поручение Военного Министерства позволило собрать наиболее полные сведения именно по нему. Важнейшей причиной сравнительной бедности казаков донской офицер считал саму военную службу: долговременные отлучки мешали развитию хозяйств, а необходимость покупки снаряжения за свой счет не позволяла вкладывать личные капиталы в торговые предприятия [108]. С другой стороны, историческое развитие войскового сословия тяготело к относительной закрытости, и его земли были населены недостаточно плотно для вовлечения в оборот всех свободных участков [109]. Статистик не стремился к актуальности, используя заведомо устаревшие сведения (доклад был готов к 1867 г., но основывался на цифрах за 1864 г.), поскольку считал, что выявленные закономерности носят общий, универсальный характер, и относятся ко всем иррегулярным войскам. И действительно, через полтора десятилетия бывший русский консул в Фиуме Л.В. Березин, ничего не знавший о работе Н.И. Краснова, начнет перечисление причин неразвитости сельского хозяйства у граничар с тех же факторов: военной службы, из-за которой у мужчин не вырабатывалось привычки к сельскому труду, и недостатка рабочих рук [110].

Исходя из подобной логики, отмена военно-поселенной системы должна была привести к дальнейшему быстрому росту налоговых поступлений за счет притока желающих освоить прежде неиспользуемые угодья. Доклад Ф.Ф. Торнау послужил для Н.И. Краснова

подтверждением того факта, что некоторые австрийские военные эксперты рассуждали аналогично, ожидая после ликвидации Военной Границы «финансовых выгод, долженствующих породиться для государства от колонизации пограничных пустопорожных земель и от свободной их эксплуатации» [111]. Соответственно, при оценке стоимости иррегулярных войск следовало учитывать не только расходы на содержание частей и потенциальные прямые подати с нынешних хозяйств, но и неполученные косвенные доходы с простаивающих участков. Трудно сказать, насколько в данном случае мнение иностранных коллег стало для Н.И. Краснова открытием, а насколько оно подтвердило уже имеющиеся у него идеи, однако другие отечественные авторы при аналогичных вычислениях не принимали в расчет возможности ускорения экономического роста регионов после их демилитаризации. В 1862 г. Д.А. Милютин, говоря о сомнительности экономических выгод, которые якобы приносят казачьи части казне, ссылаясь только на прямые траты по их содержанию [112]. В 1875 г. авторы «Объяснений по поводу сделанных министром внутренних дел замечаний на проект Положения о воинской повинности Донского войска», подробно расписав статьи дохода, которые даст обращение донских казаков в обычное податное сословие, обошли стороной вопрос о том, как будет меняться их сумма в перспективе [113].

При оценке хозяйственного потенциала территорий иррегулярных войск Н.И. Краснов предлагал брать за основу данные о плотности населения и сумме душевых податей в соседних гражданских областях. Он признавал, что полученные цифры не будут соотноситься с реальным доходом, который правительство сможет получить в случае демилитаризации военных поселенцев: на «выравнивание» в экономическом и демографическом отношении Оренбургского казачьего войска и сопредельных губерний сам Н.И. Краснов отводил 90 лет. Однако данный метод позволял подсчитать экономические потери, уже понесенные государством, осознать всю порочность иррегулярной системы организации [114].

Мы не будем подробно останавливаться на конкретных расчетах донского офицера, тем более, что они, в отличие от выводов, относились исключительно к казачьим войскам, и имели узкоспециальный интерес. В целом они строились на той же логике, что и расчеты противников Военной Границы в отчете Ф.Ф. Торнау: Н.И. Краснов пытался всеми способами занизить численность частей, необходимых для эквивалентной замены казаков. Если в Австрии обсуждалась возможность использовать вместо 72 793 граничар 18 000 солдат линейной пехоты [115], то для Донского войска статистик сначала предлагал выставлять вместо 64 казачьих полков и 12 батарей 45 полков и 10 батарей регулярной армии, а затем, почему-то решив, что «правительство едва ли решит увеличить свои вооруженные силы такой массой кавалерии», рекомендовал остановиться на приблизительно 15 полках [116]. Разумеется, при подобном многократном уменьшении числа солдат потенциальный рост налогов намного превышал расходы на их содержание.

Нам данная логика представляется не вполне убедительной, однако Н.И. Краснов был уверен, что доказал: в финансовом отношении регулярные части превосходили иррегулярные в условиях второй половины XIX в. [117]. Исходя из этого, он советовал по мере политических и военных возможностей переводить казачьи войска в гражданское состояние [118]. Правительственную политику прежних лет, направленную на сохранение военной организации казачества, Н.И. Краснов считал ошибкой, и призывал всемерно развивать в войсках «гражданское начало» [119].

Разумеется, основывающийся на отчете Ф.Ф. Торнау труд Н.И. Краснова не содержит никакого нового фактографического материала по истории Военной Границы. Однако он представляет собой, судя по всему, первую в России попытку относительно развернутого сопоставления некоторых аспектов военного устройства казаков и граничар. На сходство их организации и роли в вооруженных силах указывали в разные годы иностранные авторы, представленные на страницах российской печати. В 1855 г. Ю. Виккеде издал брошюру «Военные силы Германии и развитие их в новейшее время», полный перевод которой был опубликован в 1859 г. в «Военном сборнике» в качестве авторитетнейшего источника по современному состоянию вооруженных сил Германского союза. О граничарах немецкий автор, писавший еще до австро-франко-итальянской войны, отзывался самым комплементарным образом, отмечая их эффективность на аванпостах и в рассыпном строю,

и полагая, что «пограничная пехота имеет для императорской армии почти ту же цену, что и казаки для России» [120]. Много позже, в 1877 г., австрийский военный писатель А. Шпрингер выпустил целую монографию о российских казачьих войсках, где сравнивал казаков и граничар, сумевших в XVII-XVIII вв. превратиться в грозную даже для регулярных армий силу. Любопытно отметить, что рецензию на эту работу для «Русского инвалида» написал как раз герой нашей статьи, Н.И. Краснов, упомянувший данное сопоставление [121]. Но у российских офицеров публикации о сходстве казачьих войск и Военной Границы не вызвали сколько-либо заметной реакции, а сами иностранцы ограничивались констатацией фактов, не переходя к какому-либо анализу. В подобном контексте доклад Н.И. Краснова, направленный на выявление общих закономерностей развития поселенных войск, приобретает особое значение, хотя его автор концентрировал внимание только на негативных финансовых аспектах, не затрагивая военную организацию и тактику.

Весьма показательным представляется и тот факт, что попытка сопоставления казачьих войск и Военной Границы исходила именно из казачьей среды. В одной из своих прошлых работ мы показали, что между российских офицеров вплоть до конца 1850 гг. были распространены достаточно идеализированные представления о казаках, и отсутствовало понимание их реальных проблем [122]. С другой стороны, в казачьих войсках было немного столь образованных и склонных к обобщениям людей, как Н.И. Краснов. Поэтому нет ничего удивительного, что именно автор первого детального статистического обзора Земли Войска Донского, человек, знакомый с немецкоязычной военной литературой о казачестве догадался, пусть и в полемических целях, сопоставить положение дел в Оренбургском войске и на Военной Границе.

Самой ценной частью доклада Н.И. Краснова нам кажутся те общие закономерности, которые он вывел для иррегулярных войск. Однако его непосредственным начальством они, по-видимому, не были оценены. Мы помним, что донскому статистику была дана существенно иная задача, задача рассчитать траты на регулярные и казачьи части, исходя из данных по Оренбургскому войску. С ней он не справился, используя заведомо устаревшую информацию и посвятив большую часть своего доклада вопросу о потенциальной прибыли с демилитаризуемых земель. Архивное дело, содержащее написанный Н.И. Красновым труд, фактически обрывается с его последней страницей. Судя по всему, оно так и не вышло из стен управления казачьих войск, а сам автор после написания утратил к нему интерес. Или нет? В 1889 году генерал Генерального штаба Н.И. Краснов в одном из частных писем будет жаловаться, что из-за цензуры не может опубликовать более половины из написанных работ [123]. Некоторые из положений «Соображений о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями», в несколько смягченной форме вошли в следующую книгу донского статистика, «Военное обозрение Земли Донского Войска». В ней он, хотя и в сжатой форме, обращал внимание на тот факт, что на казаке лежат две обязанности, воина и гражданина, и чем лучше он справляется с одной, тем хуже ему дается другая [124]. Если в своем докладе казачий офицер открыто возлагал вину за преобладание военного начала в Донском войске на российское правительство [125], и отмечал разумную политику Петра Великого, сознательно прививающего донцам желание заниматься сельским хозяйством, чтобы развить у них гражданственность [126], то в книге те же факты были даны в несколько иной интерпретации: преобладание военного начала при предшествующих императорах приписывалось частым войнам, а зарождение сельского хозяйства у казаков связывалось с эпохой Петра, но не с ним лично [127]. Учитывая цензурные запреты 1863 г., возможно, Н.И. Краснов просто не рискнул опубликовать свою работу, содержащую доказательства финансовой неэффективности иррегулярных войск и призывающую к их скорейшему упразднению.

Остается обратить внимание на важный факт: и российский военный агент в Вене, и видный донской статистик, ознакомившись с системой службы в пограничных полках, считали ее крайне неэффективной и заведомо обреченной на реформу. При этом на первое место они ставили не военный фактор, а финансовый. Более того, Н.И. Краснов доказывал, что отставание в экономическом росте является неизбежным следствием военно поселенной

системы, ее важнейшим и неустранимым недостатком. И он был отнюдь не одинок в подобном мнении.

Примечания:

1. Фрейдзон В.И. К характеристике положения на Хорватско-Славонской Военной Границе в 50-начале 70-х годов XIX века (кризис и ликвидация военной системы) // «Ученые записки Института славяноведения». Т. XXVI. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 80-115.
2. Костяшов Ю. В. Сербь в австрийской монархии в XVIII веке. Калининград: изд. Калининградского университета, 1997. 220 с.
3. Костяшов Ю. В. Сербские Граничары // Вопросы Истории. 1997. № 5. С. 140-145.
4. Нигалатий М.В. Перспективы сербско-русского военного сотрудничества в 60-е – нач. 70-х гг. XIX в. автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 27 с.
5. Кирпичонок А.Н. Сербские поселения на Украине в середине XVIII века. СПб.: Нестор, 2007. 222 с.
6. Фрейдзон В.И. История Хорватии. СПб.: Алетейя, 2001. 318 с.
7. Виккеде Ю. Военные силы Германии и развитие их в новейшее время // Военный сборник. 1859. № 2. С. 677.
8. Глиноецкий Н.П. Австрия, ее силы и враги // Военный сборник. 1866. №6. С. 290.
9. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 38-77.
10. Нигалатий М.В. Боголюб Каталинич: австрийский офицер-граничар на русской службе // Вестник Тверского Государственного университета. Серия: История. 2007. № 25 (53). С. 150-155.
11. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 38-77.
12. Волвенко А.А. Два подхода к расчетам стоимости донского казачества для Российской империи в 60-70 гг. XIX века // Актуальные проблемы социальной истории. Сборник научных статей. Вып. 8. Новочеркасск; Ростов-на-Дону, 2007. С.48-53.
13. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 115-158.
14. РГВИА. Ф. 430. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-26.
15. Жуковская Н.П., Шнейдер А.Е. Записки Боголюба Каталинича о военно-политическом положении в южно-славянских землях в 1869-1870 гг. // Славянский архив. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 219-236.
16. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М.: Аиро-XXI, 2008. 496 с.
17. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб.: Тип. Департамента Генерального штаба, 1863. 595 с.
18. Трапш Н.А. Абхазия первой половины XIX столетия в военно-этнографическом нарративе Ф.Ф. Торнау // Кавказский сборник. 2015. № 9. С. 250-262.
19. Нигалатий М.В. Боголюб Каталинич: австрийский офицер-граничар на русской службе. С. 148-161.
20. Фрейдзон В.И. История Хорватии.
21. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // Russkaya Starina, 2015, Vol.(13), Is. 1, pp. 19-37.
22. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // Russkaya Starina, 2015, Vol.(14), Is. 2, pp. 94-107.
23. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III // Russkaya Starina, 2015, Vol.(15), Is. 3, pp. 194-207.
24. Тикиджьян Р.Г. Донское казачество в конце XIX – начале XX века. Исторический портрет. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 323 с.
25. Карцов Ю. С. За кулисами дипломатии // Русская старина. Т. СXXXIII. 1908. С. 88-94.
26. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1871. №10. С. 171-172.
27. Дзидзария Г.А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. М.: Наука, 1976. С. 69-71.

28. Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау // Исторический вестник. Т. XLVII. 1897. С. 50.
29. Записки Владимира Ивановича Дена // Русская старина. 1890. № 7. С. 170.
30. Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау. С. 51-52.
31. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 112. Л. 1-46.
32. Дзидзария Г.А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. С. 83.
33. Трапш Н.А. Абхазия первой половины XIX столетия в военно-этнографическом нарративе Ф.Ф. Торнау. С. 250-262.
34. Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау. С. 65.
35. Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау. С. 64.
36. Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау. С. 61.
37. Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау. С. 61.
38. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 113.
39. Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау. С. 431.
40. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 40-41.
41. Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау. С. 53-55.
42. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 141.
43. Т. Великая княжна Елена Павловна // Русский архив. 1883. Кн. III. Вып. 2. С. 308.
44. Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау. С. 444.
45. Дзидзария Г.А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. С. 83.
46. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 104. Л. 1-53.
47. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 39-47.
48. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 40.
49. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 145-190.
50. Дронов А.М. Проекты реорганизации Военной Границы Монархии Габсбургов в 1850-1860 гг. [Электронный ресурс] // Конференция Ломоносов-2015. URL: http://lomonosov-msu.ru/file/uploaded/3000/report/uid61421_report.pdf (дата обращения: 15.05.2016)
51. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 41-42.
52. Т. Великая княжна Елена Павловна. С. 308.
53. Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау. С. 81.
54. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 40-42.
55. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 42.
56. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 43.
57. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 145.
58. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 44-77.
59. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 41.
60. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 43.
61. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 42.
62. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 151.
63. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 45.
64. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 44.
65. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 45.
66. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 44.
67. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 190.
68. Березин Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. Т.2. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1879. С. 339.
69. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 41-42.
70. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 45-47.
71. Трапш Н.А. Абхазия первой половины XIX столетия в военно-этнографическом нарративе Ф.Ф. Торнау. С. 250-262.
72. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 190.
73. Peretyatko A.Y. «European Cossacks» in XVI–XVII Centuries: the Phenomenon of Irregularity from the Adriatic Sea to the Urals // Voennyi Sbornik, 2015, Vol.(8), Is. 2. P. 104-118.
74. Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549-1917). Белград: Донская историческая комиссия, 1924. С. 343-344.

75. Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860-1870 гг.) // Известия Самарского центра Российской академии наук. Т. 16. №3. 2014. С. 13.
76. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 41.
77. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I. Pp. 19-37.
78. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II. Pp. 94-107.
79. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III. Pp. 194-207.
80. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I. Pp. 29.
81. Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «великих реформ» (1860-1870-е годы). С. 16.
82. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 151-152.
83. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 145.
84. Х.П. Мысли казака о казачестве по поводу современных слухов // Донские войсковые ведомости. 1863. № 20. С. 2.
85. Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права: вып. 1. М.: типография М.П. Щепкина, 1885. С. X-XVII.
86. Карасев А.А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах // Исторический вестник. 1900. № 80. С. 170-171.
87. Ст. По поводу открытия комитетов для пересмотра положений в казацких войсках // Военный сборник. 1861. № 1. С. 202–203.
88. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. С. 232.
89. Тикиджьян Р.Г. Донское казачество в конце XIX – начале XX века. Исторический портрет. С. 83.
90. Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «великих реформ» (1860-1870-е годы). С. 17.
91. Донцы XIX века. Ростов-на-Дону: НВ, 2003. С. 247-249.
92. Статистическое описание Сибирского казачьего войска // Русский инвалид. 1879. № 229. С. 3.
93. Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1991. С. 237.
94. Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии генерального штаба. СПб: Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1882. С. 95.
95. Донцы XIX века. С. 249.
96. Краснов Н.И. О привлечении донских низовых казаков к службе во флот // Русский инвалид. 1879. № 193. С. 3-4.
97. Королев В.Н. Старые Вешки. С. 244.
98. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. С. 232.
99. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 40.
100. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. С. 232.
101. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II. Pp. 101.
102. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 1.
103. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 158.
104. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 39-47.
105. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 115.
106. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 117.
107. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 119.
108. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 121.
109. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 130.
110. Березин Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. Т.2. С. 348-349.
111. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 43.
112. Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «великих реформ» (1860-1870-е годы). С. 13.

113. Волвенко А.А. Два подхода к расчетам стоимости донского казачества для Российской империи в 60-70 гг. XIX века. С.48-49.
114. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 132.
115. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 43.
116. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 153-157.
117. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 152.
118. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 123.
119. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 115-116.
120. Виккеде Ю. Военные силы Германии и развитие их в новейшее время // Военный сборник. 1859. № 2. С. 677.
121. Краснов Н.И. Немецкие военные писатели о казаках // Русский инвалид. 1877. № 73. С. 3-4.
122. Peretyatko A.Y. The Concepts of Irregular Troops in the Russian Military Theory: from the "Miraculous Force" of the Russian Empire to the Helpers of Terrorists // Voennyi Sbornik, 2016, Vol.(11), Is. 1. Pp. 11-30.
123. Королев В.Н. Старые Вешки. С. 243.
124. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб.: Военная Типография, 1870. С. XIII.
125. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 115-116.
126. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 122.
127. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. С. XIII.

References:

- Freidzon V.I. K kharakteristike polozheniya na Khorvatsko-Slavonskoi Voennoi Granitse v 50-nachale 70-kh godov XIX veka (krizis i likvidatsiya voennoi sistemy) // «Uchenye zapiski Instituta slavyanovedeniya». T. XXVI. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963. С. 80-115.
- Kostyashov Yu. V. Serby v avstriiskoi monarkhii v XVIII veke. Kaliningrad: izd. Kaliningradskogo universiteta, 1997. 220 s.
- Kostyashov Yu. V. Serbskie Granichary // Voprosy Istorii. 1997. № 5. S. 140-145.
- Nigalatii M.V. Perspektivy serbsko-russkogo voennogo sotrudnichestva v 60-e – nach. 70-kh gg. XIX v. avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2009. 27 s.
- Kirpichonok A.N. Serbskie poseleniya na Ukraine v seredine XVIII veka. SPb.: Nestor, 2007. 222 s.
- Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. SPb.: Aleteiya, 2001. 318 s.
- Vikkede Yu. Voennye sily Germanii i razvitie ikh v noveishee vremya // Voennyi sbornik. 1859. № 2. S. 677.
- Gliinoetskii N.P. Avstriya, ee sily i vragi // Voennyi sbornik. 1866. №6. S. 290.
- Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (dalee – RGVIA). F. 428. Op. 1. D. 108. L. 38-77.
- Nigalatii M.V. Bogolyub Katalinich: avstriiskii ofitser-granichar na russkoi sluzhbe // Vestnik Tverskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. 2007. № 25 (53). S. 150-155.
- RGVIA. F. 428. Op. 1. D. 108. L. 38-77.
- Volvenko A.A. Dva podkhoda k raschetam stoimosti donsokogo kazachestva dlya Rossiiskoi imperii v 60-70 gg. XIX veka // Aktual'nye problemy sotsial'noi istorii. Sbornik nauchnykh statei. Vyp. 8. Novocherkassk; Rostov-na-Donu, 2007. S.48-53.
- RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 115-158.
- RGVIA. F. 430. Op. 1. D. 7. L. 1-26.
- Zhukovskaya N.P., Shneider A.E. Zapiski Bogolyuba Katalinicha o voenno-politicheskom polozhenii v yuzhno- slavyanskikh zemlyakh v 1869-1870 gg. // Slavyanskii arkhiv. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1961. S. 219-236.
- Tornau F.F. Vospominaniya kavkazskogo ofitsera. M.: Airo-XXI, 2008. 496 s.
- Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voiska Donskogo. SPb.: Tip. Departamenta General'nogo shtaba, 1863. 595 s.
- Trapsh N.A. Abkhaziya pervoi poloviny XIX stoletiya v voenno-etnograficheskom narrative F.F. Tornau // Kavkazskii sbornik. 2015. № 9. S. 250-262.

19. Nigalatii M.V. Bogolyub Katalinich: avstriiskii ofitser-granichar na russkoi sluzhbe. S. 148-161.
20. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii.
21. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // Russkaya Starina, 2015, Vol.(13), Is. 1, pp. 19-37.
22. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // Russkaya Starina, 2015, Vol.(14), Is. 2, pp. 94-107.
23. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III // Russkaya Starina, 2015, Vol.(15), Is. 3, pp. 194-207.
24. Tikidzh'yan R.G. Donskoe kazachestvo v kontse XIX – nachale XX veka. Istoricheskii portret. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 323 s.
25. Kartsov Yu. S. Za kulisami diplomatii // Russkaya starina. T. CXXXIII. 1908. C. 88-94.
26. Glinetskiy N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1871. №10. S. 171-172.
27. Dzidzariya G.A. F. F. Tornau i ego kavkazskie materialy XIX veka. M.: Nauka, 1976. S. 69-71.
28. Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau // Istoricheskii vestnik. T. XLVII. 1897. S. 50.
29. Zapiski Vladimira Ivanovicha Dena // Russkaya starina. 1890. № 7. S. 170.
30. Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau. S. 51-52.
31. RGVIA. F. 428. Op. 1. D. 112. L. 1-46.
32. Dzidzariya G.A. F. F. Tornau i ego kavkazskie materialy XIX veka. S. 83.
33. Trapsh N.A. Abkhaziya pervoi poloviny XIX stoletiya v voenno-etnograficheskom narrative F.F. Tornau. S. 250-262.
34. Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau. S. 65.
35. Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau. S. 64.
36. Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau. S. 61.
37. Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau. S. 61.
38. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 113.
39. Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau. S. 431.
40. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 40-41.
41. Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau. S. 53-55.
42. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 141.
43. T. Velikaya knyazhna Elena Pavlovna // Russkii arkhiv. 1883. Kn. III. Vyp. 2. S. 308.
44. Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau. S. 444.
45. Dzidzariya G.A. F. F. Tornau i ego kavkazskie materialy XIX veka. S. 83.
46. RGVIA. F. 428. Op. 1. D. 104. L. 1-53.
47. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 39-47.
48. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 40.
49. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 145-190.
50. Dronov A.M. Proekty reorganizatsii VoЕННОI Granitsy Monarkhii Gabsburgov v 1850-1860 gg. [Elektronnyi resurs] // Konferentsiya Lomonosov-2015. URL: http://lomonosov-msu.ru/file/uploaded/3000/report/uid61421_report.pdf (data obrashcheniya: 15.05.2016)
51. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 41-42.
52. T. Velikaya knyazhna Elena Pavlovna. S. 308.
53. Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau. S. 81.
54. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 40-42.
55. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 42.
56. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 43.
57. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 145.
58. RGVIA. F. 428. Op. 1. D. 108. L. 44-77.
59. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 41.
60. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 43.
61. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 42.
62. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 151.
63. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 45.
64. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 44.
65. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 45.
66. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 44.

67. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 190.
68. Berezin L.V. Khorvatiya, Slavoniya i Dalmatsiya i Voennaya granitsa. T.2. SPb.: Tip. i khromolit. A. Transhelya, 1879. S. 339.
69. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 41-42.
70. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 45-47.
71. Trapsh N.A. Abkhaziya pervoi poloviny XIX stoletiya v voenno-etnograficheskom narrative F.F. Tornau. S. 250-262.
72. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 190.
73. Peretyatko A.Y. «European Cossacks» in XVI–XVII Centuries: the Phenomenon of Irregularity from the Adriatic Sea to the Urals // Voennyi Sbornik, 2015, Vol.(8), Is. 2. P. 104-118.
74. Svatikov S.G. Rossiya i Don (1549-1917). Belgrad: Donskaya istoricheskaya komissiya, 1924. S. 343-344.
75. Volvenko A.A. Donskoe kazachestvo v pravitel'svennoi politike epokhi «Velikikh reform». (1860-1870 gg.) // Izvestiya Samarskogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. T. 16. №3. 2014. S. 13.
76. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 41.
77. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I. Pp. 19-37.
78. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II. Pp. 94-107.
79. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III. Pp. 194-207.
80. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I. Pp. 29.
81. Volvenko A.A. Donskoe kazachestvo v pravitel'svennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860-1870-e gody). S. 16.
82. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 151-152.
83. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 145.
84. Kh.P. Mysli kazaka o kazachestve po povodu sovremennykh slukhov // Donskie voiskovyie vedomosti. 1863. № 20. S. 2.
85. Kharuzin M.N. Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava: vyp. 1. M.: tipografiya M.P. Shchepkina, 1885. S. X-XVII.
86. Karasev A.A. Bunt na Donu v 1862–1863 godakh // Istoricheskii vestnik. 1900. № 80. S. 170-171.
87. St. Po povodu otkrytiya komitetov dlya peresmotra polozhenii v kazach'ikh voiskakh //Voennyi sbornik. 1861. № 1. S. 202–203.
88. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voiska Donskogo. S. 232.
89. Tikidzh'yan R.G. Donskoe kazachestvo v kontse XIX - nachale XX veka. Istoricheskii portret. S. 83.
90. Volvenko A.A. Donskoe kazachestvo v pravitel'svennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860-1870-e gody). S. 17.
91. Dontsy XIX veka. Rostov-na-Donu: NB, 2003. S. 247-249.
92. Statisticheskoe opisanie Sibirskogo kazach'ego voiska // Russkii invalid. 1879. № 229. S. 3.
93. Korolev V.N. Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh. Rostov-na-Donu: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991. S. 237.
94. Glinetskiy N. P. Istoricheskii ocherk Nikolaevskoi akademii general'nogo shtaba. SPb: Tipografiya shtaba voisk gvardii i Peterburgskogo voennogo okruga, 1882. S. 95.
95. Dontsy XIX veka. S. 249.
96. Krasnov N.I. O privlechenii donskikh nizovykh kazakov k sluzhbe vo flot // Russkii invalid. 1879. № 193. S. 3-4.
97. Korolev V.N. Starye Veshki. S. 244.
98. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voiska Donskogo. S. 232.
99. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 40.
100. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voiska Donskogo. S. 232.
101. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II. Pp. 101.
102. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 1.
103. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 158.

104. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 39-47.
105. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 115.
106. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 117.
107. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 119.
108. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 121.
109. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 130.
110. Berezin L.V. Khorvatiya, Slavoniya i Dalmatsiya i Voennaya granitsa. T.2. S. 348-349.
111. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 43.
112. Volvenko A.A. Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860-1870-e gody). S. 13.
113. Volvenko A.A. Dva podkhoda k raschetam stoimosti donskogo kazachestva dlya Rossiiskoi imperii v 60-70 gg. XIX veka. S.48-49.
114. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 132.
115. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 43.
116. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 153-157.
117. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 152.
118. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 123.
119. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 115-116.
120. Vikkede Yu. Voennye sily Germanii i razvitie ikh v noveishee vremya // Voennyi sbornik. 1859. № 2. S. 677.
121. Krasnov N.I. Nemetskie voennye pisateli o kazakakh // Russkii invalid. 1877. № 73. S. 3-4.
122. Peretyatko A.Y. The Concepts of Irregular Troops in the Russian Military Theory: from the "Miraculous Force" of the Russian Empire to the Helpers of Terrorists // Voennyi Sbornik, 2016, Vol.(11), Is. 1. Pp. 11-30.
123. Korolev V.N. Starye Veshki. S. 243.
124. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska. SPb.: Voennaya Tipografiya, 1870. S. XIII.
125. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 115-116.
126. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 122.
127. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska. S. XIII.

УДК 94(497.5)

Военная Граница от битвы при Сольферино до начала демилитаризации: три взгляда из России (Ф.Ф. Торнау, Н.И. Краснов, Б. Каталинич). Часть I

Артем Юрьевич Перетяtko

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация
Лаборатория военных исследований
Кандидат исторических наук
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется отчет российского агента в Вене Ф.Ф. Торнау о состоянии Военной Границы в 1864 г. и созданный на его основе доклад офицера генерального штаба Н.И. Краснова о финансовой неэффективности иррегулярных войск. Автор приходит к выводу, что к 1864 г. австрийское правительство понимало необходимость реформы Военной Границы. Противоположное мнение, распространенное в отечественной историографии, основано на не полной информации и не вполне корректно.

В статье так же показано, что Н.И. Краснов первым указал на сходство процессов на Военной Границе и в Земле Войска Донского в 1860 гг.

Ключевые слова: граничары, казаки, военно-поселенные войска, Австрийская империя, Ф.Ф. Торнау, Н.И. Краснов.